

В этом году исполнится 70 лет со дня рождения первого всенародно избранного губернатора Челябинской области, основателя и многолетнего руководителя движения «За возрождение Урала» Петра Ивановича Сумина. В преддверии этой памятной даты мы начинаем публикацию избранных глав из книги «Парень из Верхней Санарки» известного челябинского писателя, журналиста, краеведа Михаила Фоновта.

Родной дом

Человек Южного Урала

Когда после долгой разлуки возвращаешься в родное село, к родному дому, тебя почти на каждом шагу сопровождает обидное сожаление: того, что было, – нет. Ты за ними и приехал – чтобы увидеть и обрадоваться, а их нет. Очень много перемен, и они, если начистоту, невыносимы. Просто больно, что перед глазами незнакомые и чужие. Зачем они? Почему всё изменилось? Это ужасно: приехал к тому, чего уже нет. Никто не побеспокоился сберечь. Сколько ни глядявайся, сколько ни крути головой – лишь какие-то, едва уловимые следы, намёки, тени из детской памяти.

А сердце требует, настаивает, капризно ищет, просит: хочу, как было... Чтобы ничто не мешало возвращению в прошлое, а оно так трепетно и сладостно...

Но дня через три, устав от разочарований и страданий, свыкаешься с тем, что есть, ещё через несколько дней привыкаешь к новым домам, улицам и деревьям, смиришься. И только иногда какая-нибудь вещь вдруг напомнит о давнем, всколыхнёт, подержит в ностальгии и отпустит...

Я не знаю, что осталось в памяти Петра Ивановича от Верхней Санарки. Уж, конечно, больше, чем можно предположить. Больше и иначе. И всё-таки... Я хожу по Санарке и стараюсь смотреть на неё глазами Сумина.

Школа. Она, но не такая. Не выкрашенная в голубенький колер. Высокие, пышные ели у входа он видел не раз, но они – не из школьных лет. У входной двери – мемориальная доска. На ней он, улыбающийся. Доска напоминает, что в школе с 1953 по 1964 годы, среди многих прочих-других, учился и он, «выдающийся государственный и политический деятель», губернатор П.И. Сумин. Слова – как из школьного учебника, но они – о человеке, который помнил эти двери, по крайней мере, дверной проём.

А в школьном музее – портрет Сумина. Он приклонён к стене, у окна. И тут же – прялки, скалки, коромысла, керосиновые лампы, всякая другая деревенская старина, которую он застал, с которой рос. С ней же угодил в музей...

На пришкольном участке, там, где предполагается что-то вроде парка, среди уже поднявшихся деревьев, – ёлочки-малютки, любовно отделённые заборчиком. Это тоже мемориальные ёлки, на память от губернатора и на память о нём.

А на другом участке, по другую от входа сторону, – клумбы и грядки. Это место Пётр Иванович наверняка помнил. После уроков он охотно рылся на этой земле.

Мост, главный меридиан Санарки. Подарок губернатора селу. По одну сторону от моста – пруд, а по другую – ручеёк среди камней, тростников и кустов. В утренние часы, если смотреть с моста, церковь – силуэтом. Она тоже подарок губернатора. Бывало, мама, Наталья Васильевна, нет-нет, а повздыхает: жаль, что в Санарке нет церкви. Через годы, уже без неё, бревно к бревну, вырос храм. Для матери, для женщин Санарки, для всех.

С моста же, вдоль реки, вдоль её зелёной долины, в которой сама река только кое-где поблёскивает, если встать с моста, церковь – силуэтом. Она тоже подарок губернатора. Бывало, мама, Наталья Васильевна, нет-нет, а повздыхает: жаль, что в Санарке нет церкви. Через годы, уже без неё, бревно к бревну, вырос храм. Для матери, для женщин Санарки, для всех.

Скорее всего, евро. А так – те же кусты белой сирени под окнами. Правда, штатетник богаче. Выше и прочнее. Украшен ромбиками.

Что точно помнил Пётр Иванович – камни. Уж чего-чего, а камней в Санарке – навалом. Камень на камне. На том же месте – громоздкие валуны. Никуда не делись, лежат. Ребятя крутились вокруг них всё лето. Да и взрослые не чурались – посидеть, кому что – поговорить или покурить. А пространство перед воротами – будто замощено плитняком. Но то не плитняк, а, можно догадаться, гранитный монолит, уходящий вглубь. Фундамент что надо. Всем твердым твердь. Ни грязи тут, ни пыли. Яму не вырыть. Столбы стоят в бетонных кольцах.

Вся Санарка – на каменном месте. По берегам реки выступают каменные ступени. Камни прячутся в травах. А травы, как ни стараются покрыть каменные плиты, заползти на них – не покрыты. Особенно в сухое лето. Однако и без зелени не обходится. Чем ниже по берегу, тем её больше, тем она сочнее и зеленее. А у самой воды – буйные заросли. Жердяные изгороди едва спасают от нашествия трав картофельные грядки. А по урезу воды – беленький песочек. Как раз на этом месте когда-то ребятишки мыли грибы.

А на том берегу – обычная деревенская картина: навесы для скота, скирды сена, стайки, огороды – усадебные зады...

Если быть точным, то Пётр Иванович Сумин родился в Каменной Санарке, где провёл первые шесть лет жизни. Это как раз те годы, о которых память мало что сохраняет, а если сохраняет, то какие-то размытые, расплывчатые пятна. Поэтому родной деревней Пётр Иванович считает Верхнюю Санарку, а в ней родным домом – не первую избу у пруда, а второй,

Родной дом Петра Сумина.
Он стоит на граните

уже окончательно свой дом на каменистом берегу речки Санарки. Этот дом и стал «колышком», к которому он был привязан тонкой, как леска, но крепкой, как канат, ниточкой всю жизнь.

Давно минули времена, когда человек мог родиться в доме, прожить в нём свои годы и в нём же умереть. Теперь понятие «родной дом» потеряло свою прочность и устойчивость. Всё больше людей, которым трудно ответить на вопрос о родном доме, родной деревне, родном городе и даже родной стране. Например, иные наши «звёзды» выезжают рожать за границу, чаще всего, в Америку – не потому, что там лучше родильные дома, а потому, что их чадо фактом своего рождения забывает «колышек» зарубежного гражданства, того же американского. Потом ребёнка возвращают в Россию, воспитывают вроде бы на российский манер, не без инородных заимствований, а заканчивается всё тем, что человек не может определить сам себя, свою принадлежность и причастность.

Конечно, люди всегда передвигались по городам и весям, даже и по земному шару, однако, прежде такие переезды были редкостью, а если случались, то тщательно готовились. Если переселялись, то напрочь, надолго, скорее всего, навсегда. Такими были великие столыпинские переселения из Европы в Сибирь, на свободные земли. Так же безвозвратно украинцы перебегали через океан, чтобы обосноваться в американских штатах.

Теперь же люди переселяются с лёгкостью необыкновенной. Быстро, часто и легко. Из деревни – в город. В городе – с квартиры на квартиру. Не успеет человек привыкнуть к улице, двору, подъезду, этажу, квартире, к комнатам, виду из окна – уже надо переезжать на другую улицу, в другую квартиру. Вряд ли можно сказать, что человеку присуща такая перемена мест. Обычно первые перемещения ему

даются не без ностальгических переживаний. А потом, с каждым новым переездом, чувства сглаживаются, теряют глубину, остаются на поверхности. Никто толком не знает, какой тип человека даст нам такая сверхподвижность, такое порхание «с цветка на цветок». Может быть, это будет человек не деревни, не города и не страны, а мира. Такие уже обывались. Можно согласиться, что в подобной беспривязанности есть свои плюсы и свои минусы, вопрос только в их пропорциях.

Никак нельзя сказать, что Пётр Иванович был человеком мира, хотя в нём, разумеется, пульсировала и иногда давала о себе знать мысль о том, что он – землянин. Да, разумеется, он был человеком России, но думал об этом не каждый день, не буднично, а вспоминал только, так сказать, по торжественным случаям. Да, без сомнения, он был человеком Южного Урала и именно им, потому что видел себя именно в этом масштабе. Был ли он человеком Челябинска? Нет, не был, но стал им. Человеком Челябинска он становился за счёт Верхней Санарки: чем больше городского, тем меньше деревенского. И всё-таки Верхняя Санарка осталась в нём как самое интимное воспоминание. Как ни странно, само сознание того, что она существует на белом свете, я думаю, придавало ему силы. Как воспоминание о матери помогает нам в трудную минуту перед её лицом устыдиться своей слабости и готовности упасть. Вообще, позволю себе сказать, что опорой в жизни мужчины была, есть и будет мать, а не отец.

На голубом глобусе Земли Пётр Иванович Сумин видел огромное пространство России, пятно Южного Урала и точку Верхней Санарки. Тут он родился, тут и пригодился. Нет, он не стремился раздвинуть свою карьеру до пределов всей России. Не потому, я думаю, что не способен был на такой размах. Не однажды и не дважды он выдерживал испытания и под

Храм в Верхней Санарке

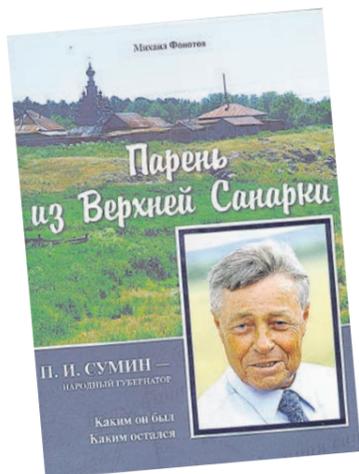
кремлёвскими звёздами. Но, я думаю, был день и час, когда он осознанно ограничил себя Южным Уралом. Ему, если другим слогом, – посвятить жизнь. Дай Бог здесь, в родном краю, чего-то добиться, чтобы небо над ним стало светлее, чтобы потеплело в душах людей. Такое поприще весомее каких-то карьерных высот и честолюбий. Тем более что здесь, в масштабах Южного Урала, можно взять глубже, чем на просторах всей России.

Не сразу, но всё же этот выбор оценили земляки. В том-то и дело, что ему надо было доказывать, что верность своему краю – не пустые слова, а жизненная позиция. Впрочем, на финишной прямой последнего десятилетия в этом уже никто не сомневался.

Это не упрек – то, что Южный Урал не сразу оценил, кто у него в губернаторах. Он долго сомневался, будто бы ждал, когда губернатор по первому зову подается в столицу. Позже эти сомнения отпали, но Южный Урал так и не понял то, что Сумин – не один из череды губернаторов, а отдельный, особый случай.

После переезда в Челябинск Пётр Иванович поменял пять квартир. Какая из них родная? Разве что последняя, с мемориальной доской. Правда, в самом конце жизни он успел построить усадьбу, скажем так, родовое гнездо, но не для себя, а для тех, кто – за ним. Это дворец, в котором ему не дано было переночевать хотя бы один раз.

Продолжение следует

В этом году исполнится 70 лет со дня рождения первого всенародно избранного губернатора Челябинской области, основателя и многолетнего руководителя движения «За возрождение Урала» Петра Ивановича Сумина. В преддверии этой памятной даты мы публикуем избранные главы из книги «Парень из Верхней Санарки» известного челябинского писателя, журналиста, краеведа Михаила Фоновта.

Продолжение. Начало в № 13

Такие пряники...

Как-то Пётр Иванович вспомнил, о чём мечтал в детстве. А мечтал он о том, что, когда вырастет, заработает много денег и каждый день будет есть пряники. Пряники меня умилили. Всё-таки начинал он, скажу так, с очень низкого уровня потребностей. В сущности, с нищеты. С нищеты не семейной, а общей, деревенской.

Слова про «много денег» я по первоначально пропустил мимо. А зря, в них, может быть, одна из коренных черт характера Сумина. Устами младенца – суть.

Согласитесь, эти две фразы про деньги и про пряники не очень-то сопрягаются друг с другом. Мечта о пряниках очень детская. А признание о деньгах – слишком взрослое. Общее у них то, что без денег не будет пряников, но они могут обходиться и друг без друга.

Пётр Сумин очень рано уверил, убедил и утвердил себя в том, что у него будет «много денег». Конечно, в годы его молодости представление о богатстве обозначалось скромностью и неприязнательностью. До понятия «олигарх» было ещё очень далеко. Но юный Сумин, по крайней мере, не допускал мысли, что будет жить бедно. Он не допускал этого, потому что он явился в мир с руками, которые чесались от страсти работать. Искать, находить и делать любую работу. А много работы – это много денег. Он твёрдо знал, что никогда не будет стоять с протянутой рукой. И ни у кого не попросит. Даже у родственников. Даже у родителей. А дадут без просьбы – не возьмёт. Он хотел ползаться на себя. И надеялся, что сам себя не подведёт.

Так и было. Правда, в молодые годы и он куда-то не делся от бедности, но она воспринималась как явление сугубо временное, переходное и преходящее. Да и то сказать, никто не помнит бедного студента Петра Сумина. Уже тогда у него водились деньги. Он был при деньгах и деньги – при нём. Что как бы само собой. Иначе и не могло быть. Ему ничего не стоило пригласить девушку в ресторан. И уж на пряники ему хватало. Потому что уже тогда он впрягся, кроме учёбы, в три приработка.

А потом... Потом – семья, и он сразу «поставил»: семья – его гуж. Зарабатывать – первое условие. Добывать. Добытчик в нём был всегда, но не впереди, а где-то рядом. И в самом деле, подручным сталевара он сразу стал зарабатывать большие деньги. Именно – зарабатывать. Не иначе. Это – принципиально. Да, в комсомоле его заработок упал в разы. Значит, что? Как это понимать? А понимать надо как отступление от принципа. Отступление, но временное. Раз судьба отвела от печи и привела в кабинет, значит, надо делать карьеру. То есть много и хорошо работать, чтобы не толкать упирающуюся карьеру, а чтобы она сама тянула вверх. Там, наверху, искать заработок.

Всё закончилось заработком губернатора. Когда Пётр Иванович мог сказать, что человек он не бедный, что зарабатывает хорошо. Нет, он не сказал «богатый», а сказал «не бедный». Не то, и не другое. А то, что надо.

Можно ли предположить, что Сумин презирал бедность? Не знаю. Предполагаю только, что себя он бедным никог-

да не видел. Ему, наверное, было бы стыдно прослыть бедным, а тем более нищим. Ничего такого не могло быть. Это – не обсуждалось.

Пётр Сумин был работягой. А теперь вопрос на засыпку: было ли в «работяжности» Сумина нечто кулацкое?

Как посмотреть. В Санарке Суминых к бедным не причисляли. Скорее – к середнякам, а то и к кулакам. Однако наверняка в деревне – в Санарке и во всякой деревне – были кулаки, которые набрали свою зажиточность «чистым» трудом. Добро наживали тем, что много работали, и только этим. Так выбивались из окружающей их нищеты. Богатство, нажитое ими, было весьма относительным, но оно выделяло среди других. Выделяло и осложняло отношения с сельчанами.

Это – вопрос. В деревне всегда были, есть и теперь, люди работающие и ленивые. Но что за этими словами – работающий и ле-

нивый? Ясно же, что быть ленивым плохо, стыдно, обидно, наконец, разорительно, но ленивые люди никак не могли отрешиться от своей лени. Может быть, у них было какое-то оправдание? Не исключено. В деревне – как? Трудяга тот, кто в поте лица работает на земле. Однако, согласитесь, есть и другие интересы. Они возникают, как бы из ниоткуда, из ничего, без причины. Например, интерес к чтению. Или к музыке, к гармошке, к балалайке. Или, может быть, интерес даже к астрономии. А, кроме того, в ком-то может, откуда ни возьмись, проснётся невысказанный, а то и неосознанный протест против унижительной работы от зари до зари, кто-то не захочет так горбатиться ради куска хлеба, а тем более сдобной булки.

Да, конечно, но такие люди деревне не присутствовали. И она их отторгала. Презирала их. Они как бы не свои. Если ты живёшь в деревне, будь добр вка-

Супруга и сестра: Ольга Ильинична Сумина и Татьяна Ивановна Сумина в Верхней Санарке

львай на пашне в борозде или пастухом на пастбище.

Но и здесь не так всё просто. Чем дальше, тем яснее деревня осознавала, что ей нужны и «ленивые». Что они – не зря. «Ленивый» гармонист очень кстати на свадьбе. Любитель чтения пригоден для учёбы на агронома. Кто-то из «ленивых» станет деревенским врачом. Кто бы мог подумать, чтобы казак выбился в философы, а такие случаи есть. Дело дошло и до того, что деревня начала прикармливать «ленивых», не как приживал, а как работников «другого» труда. Деревня теряла монополию на крестьянский труд. А ленивец в чистом виде, лентяй, ни на что не пригодный, абсолютный паразит... Наверное, были и такие. Как исключение. Как феномен.

Правду говоря, работать очень много – плохо. Это ужасно, если – под принуждением, из-под палки, вынужденно. Если без интереса, без понятия, без цели, без смысла. Но, с другой стороны, любимой работой нельзя насытиться. Она «заставляет» много работать, завораживает, захватывает без остатка, не оставляя времени ни на что другое. Говорят, что

такая работа благотворна, что она не отнимает годы, а прибавляет их. Да, любимая работа – прекрасна. И всё-таки и в ней есть ущербность. Она очень много даёт, но немало и отнимает.

Крестьянская семья, в которой умели хорошо работать, шла к тому, чтобы выбиться в кулаки. Кто-то и выбивался. А что потом? Потом – всяко. Собственное довольство – да. Завистливые глаза – да. Протянутые руки – да. Обособление – да. Неприязнь – да. А уважение? Нет? А признание трудолюбия? Нет? А благодарность за помощь? Нет?

Всяко было в деревне. Вне сомнения только то, что кулак – хороший работник. Верхняя Санарка сделала Петра Сумина хорошим работником. Если в этом есть что-то кулацкое, значит, и в Петре Сумине было что-то кулацкое. Пётр Иванович был человеком практичным. Но его практичность не замыкалась на одном подворье, она охватывала целый край, именуемый Южным Уралом. А, может быть, могла бы взять и шире. Такие пряники...

Продолжение следует.

Продолжение.
Начало в № 13-14

Свой очерк «Вечная целина» Марк Гроссман начинает с того, что «Сумин маялся всю ночь, дымил табаком и время от времени пытался освежить себя ясной колодезной водой». И далее: «Он должен был в эти часы решить свою судьбу, свой путь, если не до конца, то, во всяком случае, на многие годы вперёд». И наконец: «Теперь предстоял решающий выбор. Сельское хозяйство или металлургия?». Почему вдруг металлургия? Откуда оно взялось, это «вдруг»?

На исходе учёба в одиннадцатом классе. Да, время серьёзного выбора. Или – или. Остаться в деревне или уехать? Уехать? Из Санарки? Это почти немислимо. Вся жизнь – в Санарке, как же без неё? Не сразу это было осознанно – то, что Санаркой он пронизан насквозь. Её не снять, как одежду. Вся она – в нём.

Выбора вроде и не было. Марк Гроссман даёт нам знать, что к тому времени Петяня уже умел обходиться с лошадьми, случалось ему и пахать, и боронить, и косить. Подробно он пересказывает случай с полем у Ста берёз. Как бригадир послал его в ночь боронить это поле. Как он заблудился и заехал на другой клин. Как, уже в ночи, искал эти Сто берёз, а по пути застрял в болотине. Как выбирался из грязи. И как заглух мотор трактора, когда Петяня уже принялся боронить «своё» поле. И как всё-таки к утру закончил работу, выполнил норму, не посрамился.

Писатель то и дело возвращается к раздумьям о выборе. Если металлургия, то «не будет ли это изменой делу отца, делу деревни»? А с другой стороны, «что земля без металла, без тракторов и плугов?».

Металлургию Петру навязал старший брат Анатолий, уже закончивший политехнический институт: ты, мол, будешь сталь варить, а я из неё собирать машины.

«Вот так и решили», подводит черту Марк Гроссман.

И что, правильно решили? У Петра Сумина, как и у тысяч других парней и девчат, не было шансов остаться в родной Санарке. Каким-то ветром его тащило в чуждый ему город. Остаться и мысли не было. Уехать – это не обсуждалось.

Хорошо. Уехать. В город. Учиться. Но, допустим, на агронома. Или на зоотехника. Или на инженера, на сельского. Прекрасно! Несколько лет прожить в ненавистном городе, зная, что после учёбы, с дипломом, – домой, в свою деревню. Как вариант?

Нет. Но почему «нет»? Трудно объяснить. Вокруг – огромный, открытый тебе, молодому парню, мир, а ты навсегда – в этой деревеньке... Замкнуть себя в ней? Вроде, как-то тесновато.

Мы все, почти все, прошли через муки этого выбора. Уже как горожане, мы, забывшись, сокрушаемся, что деревни угасают, теряют жителей... И спохватываемся: так и я – тоже! Как? И я? Я тоже изменил своей деревне? Вроде так, а никак не согласиться, не признать.

Ну, хорошо – остаться. А что делать в деревне? Что делать? Землю пахать. У всех выпускников школы, у Петра Сумина в том числе, кроме деревенского труда в деревенском детстве и деревенской юности, на руках – диплом механизатора широкого профиля. Профессия – вот она, готовая. Только работай.

В этом году исполнится 70 лет со дня рождения первого всенародно избранного губернатора Челябинской области, основателя и многолетнего руководителя движения «За возрождение Урала» Петра Ивановича Сумина. В преддверии этой памятной даты мы публикуем избранные главы из книги «Парень из Верхней Санарки» известного челябинского писателя, журналиста, краеведа Михаила Фонотова.

Уехать? Остаться? Как быть?

И что, так лучше? Где родился, там и пригодился? Как сказать...

О чём у нас речь? Речь о том, как ставшему на ноги парню отблагодарить деревню, которая его вырастила. Что для неё сделать. Как добавить ей сил и лет, чтобы она, родная, не чахла, а здоровела. Чтобы её окна ясно и весело смотрели на улицу. Чтобы у окон цвели и зеленели берёзки и рябины, а проулки не пустели буйно заросшими пустырями. Чтобы её прудик не заиливался и не зарастал камышом, а оставался глубоким, как в детстве, и чтобы берега его пахли водорослями и рыбой. Вообще, чтобы, кроме большого прошлого, у неё было большое будущее. Кто бы против...

Ну, хорошо, допустим, что Пётр Сумин остался бы в своей Санарке. Долго ли

ней возвращаться, каждый раз испытывая перепутанные чувства вины и долга, прощения и благодарности, нежности и лёгкости, мольбы и молитвы.

Так и быть, Сумин в Санарке не остался. И что? Он, из своего далёка и высоко, для неё ничего не сделал? Наоборот, сделал, и очень много. Может быть, больше, чем кто-то другой. Он построил мост через реку. Не бревенчатый мостик с бережка на бережок, а огромный бетонный мост, который поднялся выше любых паводков. Он построил в Санарке прекрасную церковь. Он дал ей газ. А его помощь школе? Ни моста, ни церкви, ни чего другого Санарка не дождалась бы, если бы Пётр Сумин не уехал из неё.

В юности было и испытание трактором

он в ней продержался бы? Не исключено, что поднялся бы до председателя колхоза. А потом? В район? А из района? В область? А из области?

Так-то. Для мальчика деревня – большая, а когда он вырастет, сам станет большим. Больше своей деревни. Как ни любима Санарка, а не было в ней места для Петра Сумина. Такое неразрешимое противоречие. Да, Санарка не отпускала. Как поётся в песне, отпустить меня не хочет родина моя. И ничего в мире не было милее и трепетнее, чем возвращение в неё, в своё детство, в юность. К матери, к отцу. К отчему порогу. К камням у двора. К речушке внизу, у крутого берега. Будто для того она и дана, Санарка, чтобы к

деревне дал слишком много. Если бы явно переборщил. Но его, конечно, не похвалили бы, если не сделал для Санарки ровным счётом ничего. Никак её не выделил бы среди других. Наверное, мера в том, чтобы своей деревне дать столько же, сколько остальным. Столько же, но чуть-чуть больше.

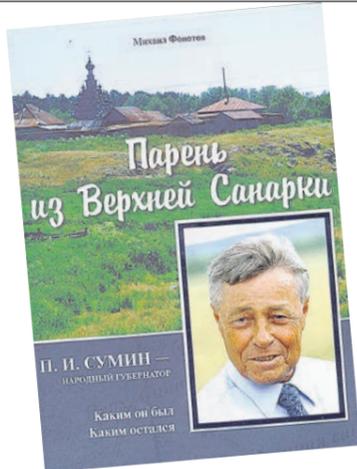
Марк Гроссман не зря назвал свой очерк «Вечная целина». Вечная целина, по его версии, – это работа с людьми. Пётр Сумин не стал работником сельского хозяйства. Но не стал он и металлургом. В юности выбирал он одну из двух дорог, а вышел на третью – на «вечную» работу с людьми. На политику, которая – на всю жизнь. Она была предназначена ему родом, роком и Господом Богом. О чём, как это часто бывает, до поры никто не догадывался.

Последняя смутная догадка. Если вспомнить, в своё время у нас, в Советском Союзе считалось, что судьбы вершил рабочий класс. Не крестьянство, а заводские люди. Может быть, поэтому, а не только по совету старшего брата, подсознание подсказало Петру Сумину: стань металлургом.

Я думаю, однако, что Пётр Иванович Сумин везде – на хлебном поле, у заводской печи, в кресле начальника – на любой дороге ушёл бы далеко и высоко...

Остаётся сказать, что у Петра Ивановича осталась добрая память как об очерке «Вечная целина», так и о его авторе. Когда вышел из печати сборничек с очерком о Сумине, ему не было и тридцати лет. Тогда, по своему обыкновению, которому был верен до конца жизни, он рассказал писателю о себе «совсем немного», и Гроссман «сам поехал в Санарку, встречался с людьми, которые меня знали».

Несмотря на «скупость» своего героя, Марк Гроссман понял, что ограничивать

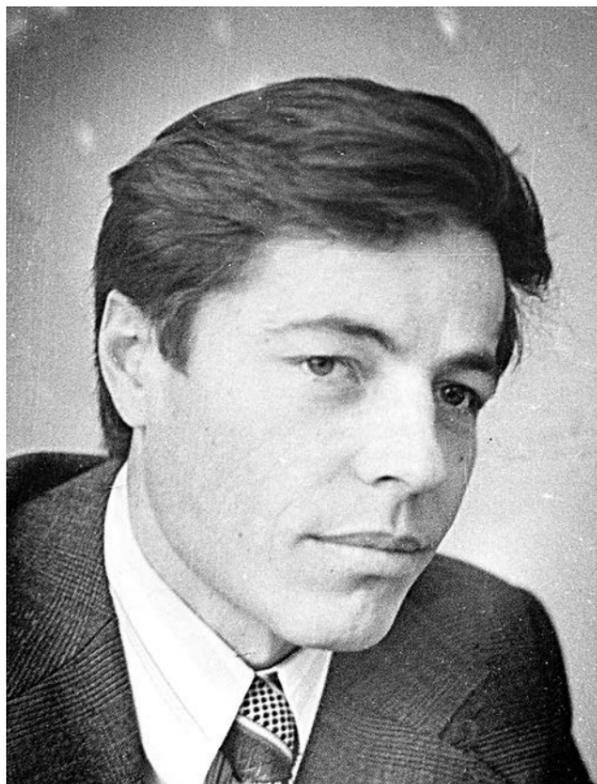

с очерком нельзя, что молодого комсомольского секретаря надо держать в поле своего зрения. И Сумину писатель пришёлся по душе. «Мы подружился, – признавался он позднее. – Марк Соломонович был намного старше меня и вообще оказался человеком уникальным, каких сейчас мало. Он многим порадовал, пленял силой своего характера». И ещё одно признание: «Позднее, через десять лет, Гроссман предложил даже написать об мне небольшую книгу. Это вряд ли было тогда уместно, да и обком мог запросто снять голову за подобные вещи».

Так было: книга, без разрешения, неуместна. Тогда все знали о правиле – не высовываться. За это не поощряли, а наказывали. Снимали головы. Не высовывай её, свою голову. Её высунут, если надо будет, те, кому положено.

Правило – правилом, но и сам Сумин был чрезвычайно скупым на разговоры о личном. Он их буквально пресекал. Не мне оценивать его скупость. Чтобы его понять, надо самому представить себя на месте человека, к которому пришёл писатель или журналист, чтобы написать очерк или книгу о его жизни. И на месте этого человека подумать, что и как рассказать о себе. А потом прочитать то, что писатель напишет...

Книга о Сумине у Гроссмана не получилась. И другому писателю, Рустаму Валееву, Сумин не дался. Как ни старался он «раскрыть» губернатора, все воспоминания Петра Ивановича ограничивались тем, как он катал валенки. И я несколько раз предлагал Петру Ивановичу найти время, чтобы неспешно поговорить «про жизнь». Он, после паузы, отвечал: «Надо подумать», и было ясно, что думать он будет долго. Теперь я очень сожалею об этом...

Молодость у Сумина – какая? Комсомольская, конечно. Какой ей ещё быть? Не сказать, что Сумин лип к комсомолу, но обойтись без него не было никаких шансов. Комсомольский вожак – с того всё началось. Цех, завод, район, город – по таким комсомольским ступеням поднимался он всё выше, на что ему потребовалось восемь лет. Первые три года он – сталевар электрической печи, подручный Героя Социалистического Труда Хабира Шагеевича Самохужина, а потом – комсомольский работник без совместительств.

Фотографии – как свидетельства

Снимок – школьный. Девушки-старшеклассницы в коричневых платьях и белых передничках поперх. Уже «готовые» невесты. Девушки стоят, а перед ними сидят четверо, надо понимать, учителей. А два парня – лежат. Чубатыми головами круг к другу. Опершись на локти. Один из них – Сумин. Пиджак серый, в крапинку. Ворот рубахи расстёгнут. (Галстучный период ещё впереди). «Бывалый» прищур глаз. Молодой и крапивоный.

Снимок: Сумин один на большой площади или может быть, на стадионе.

В этом году исполнится 70 лет со дня рождения первого всенародно избранного губернатора Челябинской области, основателя и многолетнего руководителя движения «За возрождение Урала» Петра Ивановича Сумина. В преддверии этой памятной даты мы публикуем избранные главы из книги «Парень из Верхней Санарки» известного челябинского писателя, журналиста, краеведа Михаила Фомотова.

Молодые – значит комсомольские

У Красного знамени. У микрофона. Перед многоярусной трибуной. Повторюсь: он один – перед трибуной. Что-то провозглашает. Верят ли ему трибуны? Верит ли он сам в то, что говорит?

На счёт трибун можно ошибиться, а Сумин, в том возрасте, верил в высокие слова. Он головой ушёл в комсомольские хлопоты – в приёмы, в сборы членских взносов, в комсомольско-молодёжные бригады, в субботники, в Ленинские зачёты.

Снимок: завод. ЧМЗ. Директор завода Н.А. Тулин, секретарь парткома В.В. Ураев, председатель профкома А.Н. Савельев и секретарь комитета комсомола Пётр Сумин. Так называемый четырёхугольник. Сумин – в четвёртом углу. Он стоит, а наставники – сидят. В руках у Тулина лист бумаги. Какой-то комсомольский вопрос. Сумин заинтересованно всматривается: утверждают ли старшие товарищи комсомольскую инициативу?

Снимок: он опять на возвышении, среди немногих. Над теми, кто внизу, которых много. Где-то на заводской территории. К чему-то призывает. К тому призывает, чтобы пошли за ним.

Снимок: на заседании. Спор. Сумин кому-то возражает. Доказывает. Убеждает. Настаивает на своей правоте.

Снимок: полукруг стола, президиумного. Сумин в центре, справа и слева – комсомольские работники. Среди них – Ильичёв, в роли наставника. Все серьёзные, сосредоточенные. Или задумчивые. Только у девушки лёгкая улыбка на лице. Все сидят, стоит только Сумин. Он открывает заседание. Объявляет повестку дня. Говорит какие-то предварительные слова.

Снимок: в самолёте. В кресле с белым подголовником. Спит. Как, впрочем, и соседи. Досыпает.

Снимок: Какое-то торжество. Праздник. Длинный ряд трибуны – так сказать, для вождей. Сумин – среди них. И даже в середине.

Все в шапках. Знать,

осень. Наверное, октябрьские дни.

Над трибуной – преемственно огромный портрет Ленина. Сумин – как раз под ним, под галстуком вождя. Рука в перчатке, поднята. А внизу марширует мимо трибуны колонна во главе с духовым оркестром.

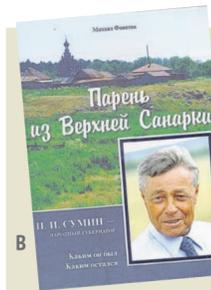
Снимок: опять трибуна. А над ней – опять огромный Ленин. На этот раз все в шапках. Кроме Сумина и Носова – они без головных уборов. Плащи и лёгкие пальто. На лацканах –

алые банты. Не иначе, как День Победы, 9 Мая.

В ту пору Сумин верил, что комсомол брав, боевит и благотворен. Не упускал случая поблагодарить «школу комсомола». Может быть, он открыл, что в союзе молодёжи завелась опасная гнильца. Карьерная. Рапортовая. Показушная. Бюрократная. Зевотная. Может быть, он это увидел в комсомоле, но держал про себя.

Молодые годы. Ещё зелен, здоров и не тронут сомнениями.

В этом году исполняется 70 лет со дня рождения первого всенародно избранного губернатора Челябинской области, основателя и многолетнего руководителя движения «За возрождение Урала» Петра Ивановича Сумина. Преддверии этой памятной даты мы публикуем избранные главы из книги «Парень из Верхней Санарки» известного челябинского писателя, журналиста, краеведа Михаила Финогтова.

«Оказывается, в комсомоле есть люди серьёзные...»

– Сергей Иванович, вспомните, пожалуйста, как жизнь свела вас с Суминым?

– Мне придётся начать издали. В своё время, ещё в институте, я занимался вопросами организации и управления. Не организации управления, а именно организации и управления. Потому что это разные вещи. Организация – это стратегия, а управление – это тактика. Уже тогда мне это нравилось – организовывать людей.

Когда я окончил институт, судьба привела меня на завод имени Колущенко. Вроде, в технике разобрался, работа шла хорошо. Но однажды вызывают меня в партком и предлагают возглавить заводскую комсомольскую организацию. А там, в комитете, вскрылись очень нехорошие дела. Организация по численности была с правами райкома. Это значит, что надо было иметь больше 771 комсомольца. А численность падала до 680. Риск, конечно, был. Зарплата – не на много, но меньше. Терять про-

изводство не хотелось. Но посоветовался я сам с собой и решил попробовать. Единственное, что меня смущало, заикание. Правда, оказалось, что в частной беседе я заикаюсь, а когда выхожу на трибуну, заикание пропадает.

Короче говоря, я принял решение идти в комсомол. Но когда познакомился с делами, ахнул: куда я попал? Однако деваться некуда, надо работать. Начал, как всегда, с актива. И тут – обмен комсомольских билетов. Это 1975-й год. Здесь пришлось проявлять себя. Организовал работу комитета, заставил, чтобы каждый отвечал за свой сектор. Дошёл до каждого начальника цеха. И пошла работа. Мы довели численность организации до 1200 человек. И впервые в истории завода взяли переходящее знамя.

Ко Дню Победы организовали движение «За себя и за того парня». Молодёжные бригады из пяти человек включали шестого, на него насчитывался план... Всё шло по уму. В результате, раньше времени встречали в цеху Новый год – с ёлкой и Дедом Морозом.

Прошло какое-то вре-

Сергей Матвеев, заведующий орготделом горкома комсомола в 70-е годы:

«Пётр Иванович вёл меня по жизни»

мя, и звонят из приёмной горкома комсомола: в течение часа будьте на месте, к вам приедут. Отсюда и началось. Приезжает Борис Данилов. Сначала всё проверил, посмотрел: учёт, билеты, протоколы – всё безукоризненно. Всё, как надо. В цеха пошли – то же самое. Словом, побыл он и уехал. Но недели через две Данилов приезжает вместе с Суминым. Разговор такой: хватит работать здесь, переходи к нам. Я поработал на заводе около двух лет. Попробую возразить: «Да рано ещё...» Возражения не принимаются. Хорошо, а куда и кем? Оказывается, заведующим отделом оборонно-массовой и спортивной работы. «Ребята, а я здесь при чём? Я же орговик».

Потом, с кем я ни советовался, все уверяли, что из этого отдела кроме как инструктором по спорту, не уходят. Выше не поднимаются. Надо уточнить, что тогда Сумин был вторым секретарём горкома комсомола. Первым был Соловьёв. «Ты не торопись». Оказывается, всё уже решено наперёд. Соловьёв – на место Александровича, Сумин – первым секретарём горкома комсомола, Данилов уйдёт в строительные отряды. А я – вместо Данилова заведующим орготделом. Такая перспектива.

Короче, потом состоялось встреча с Петром Ивановичем один на один. И я сразу убедился: знаю-

щий человек, твёрдый, уверенный, видящий на несколько шагов вперёд... Он мне сказал: «Начнём, работаем...». «А если нет?». «Значит, нет». Ну, что, беседа нормальная, откровенная. Я даже подумал, что и в комсомоле, оказывается, есть люди серьёзные.

Мы начали работать. Чем бы Пётр Иванович ни занимался, он досконально вникал в суть, понимал её, объяснял, что и как надо сделать и к чему прийти в результате. Хороший руководитель всегда видит результат в самом начале работы.

«И я развернулся как орговик»

– Сергей Иванович, а дальше? Вы же всё-таки работались?

– На второй год Сумин вызывает меня и говорит: «Завтра, надеюсь, на бюро меня утвердят первым секретарём, а я тебе даю три месяца. Через три месяца будем рекомендовать тебя заведующим организационным отделом». Это уже величина. И как раз то, что мне надо. Заворот – это правая рука первого секретаря. Не второго, а первого. Орготдел – это всё, в том числе – взаимодействие с горкомом комсомола...

Об этом скажу отдельно. Знаете, чему научил меня Сумин? Что такое горком. Обычно мы сами себя считали горкомом. А Сумин объяснил иначе: «Какой вы горком? Вы не горком. Вы

аппарат горкома, который организует работу городского комитета. А городской комитет – это те комсомольцы, которых избрали на городскую конференцию. А там 700 человек. Это – горком комсомола». Так он нас всех поставил на место.

Честно сказать, Сумин дал мне свободу. Мы работали с ним тесно и даже подружились. И я развернулся. У меня крылья выросли. Я развернулся как орговик. Всё изменил, начиная с подготовки бюро горкома. Допустим, у нас появились папочки. Эти папочки с материалами заседания бюро рассылали по районам, членам бюро. Они могли познакомиться с документами заранее и приходили уже готовые к обсуждению вопросов.

Самое интересное – и это впервые в России – при подготовке к конференции был применён сетевой график. Мы впервые применили сетевой график к организационному процессу. Когда я сказал об этом Петру Ивановичу, он почесал затылок, закурил, задумал и спросил: «Ты отдаёшь себе отчёт?». Я ему ответил, что всю ответственность беру на себя. Но, конечно, он понимал, что и сам от ответственности уйти не мог.

Но мы это сделали. В Москве ахнули. Когда москвичи увидели, как сетевой график работает, не могли поверить. Схема у меня в кабинете висела на всю стену. Настоящий сетевой график. Его сфотографировали, увезли в Москву, оттуда стали приезжать люди.

Как искали кандидатуру в депутаты

Тогда же мы впервые внедрили перфокарты. Был такой случай. Приезжал из Москвы, из ЦК комсомола: нужен депутат Верховного Совета из Челябинска – молодой производительник и, как тогда требовалось, все остальные данные. Говорят: «Мы в Челябинске пробуем неделю, за это время подберите кандидатуру». Сумин сидит, улыбается. Москвичи: «Пётр Иванович, не улыбайтесь, дело-то серьёзное». А он им: «Зачем неделю ждать?». Нажимает кнопку: зайти. Я захожу. Москвичи: «Надо то-то и то-то». Хорошо, будет сделано. «А что не спрашиваешь, когда?». «Когда Пётр

Иванович скажет, тогда и сделаем». Сумин улыбается: «Ну, ладно, сделайте... минут через пять». «Пожалуйста». Москвичи в недоумении: «Мы пойдём с ним». «Со мной? Пойдём». Пришли ко мне. Я даю картотеку города, наш актив. Кто нужен? Мужчины? Хорошо. Едва заметное движение – и у меня в руках остались карточки мужчин, а остальные – выпали. Нужен производственный? Остались одни производственники. Стаж? Какой район? Какой завод? И так далее. Допустим, с ЧТЗ не надо, там уже есть депутат. Но нужен промышленный район. Хорошо. Берём Ленинский район. В конце концов, у меня в руках осталось карточек пять. Москвичи ахнули. Они взяли эти карточки с собой, из пяти кандидатур выбрали Володю Константинова. Он и стал депутатом Верховного Совета.

Таких новшеств у нас было много. Сумин меня поддерживал, и у нас шло хорошо...

Проходит время, опять вызывает Сумин: «Ну, что, доигрался?». «Что такое?». «Что такое... Тебя берут в ЦК». «В Москву? Не поеду». «Не поедешь? А хватит сил отказать?». «А ваше мнение?». «Моё мнение? Не соглашайся». Такой был разговор. Потом пришёл вызов, агитировали, но я настоял на своём.

Что ещё рассказать? Это мы тоже впервые организовали. Во Дворце железнодорожников идёт комсомольская конференция. В конференции участвуют первый секретарь горкома партии Дмитриев, второй секретарь Багриновцев, другие важные люди. Прежде всего, секретарь ЦК комсомола Орджоникидзе, другие работники ЦК. Уже после окончания конференции собрались обменяться мнениями: всё, вроде, хорошо, оценки высокие. И москвичи нам: «Ждём от вас отчёт о конференции, и на его базе будем проводить школу передового опыта». Петру Ивановичу: «Будете в Москве, привезите, пожалуйста, отчёт». А Сумин мне: «Сергей, принеси». И что вы думаете? Приносят три тома. Всё прошито, с тиснением: «Материалы 27-й городской конференции...». Дата, подписи, печатно. Орджоникидзе: «Как? Не может быть!». Может. Сумин

П. Сумин и С. Матвеев

сидел довольный. А что мы сделали? Никто не знал, что мы впервые пригласили стенографисток и машинисток, и они по ходу конференции готовили все материалы.

Чему я поражаюсь – серьёзности Сумина. Ну, молодёжь, ну, всё такое... И такая серьёзность...

– А не слишком ли был он серьёзным?

– Иногда, да. Но после Сумина в горком пришли другие люди, не такие серьёзные и даже очень весёлые...

Возвращение в команду. Новый этап

– Сергей Иванович, и так, это период вашей совместной работы в горкоме комсомола. Но вскоре всё изменилось?

– У Сумина не было секретов от меня, и это, конечно, мне нравилось. Никто не догадывался, что Сумин готовился к серьёзной партийной работе. Что его где-то обкатают и двинут выше. Я его спросил, так ли это. Он усмехнулся: «Странно было бы, если бы ты не поинтересовался». Вечером после работы мы сели с ним, и он мне сказал, что идёт в шестой цех ЧМЗ. «На производство?». «Да, надо пройти этап производства».

Заключу тем, что скажу: такой работы горкома комсомола, как при Сумине, не

было ни до, ни после него. – **Но жизнь вас разлучила?**

– Не совсем. Когда Сумин уходил, спросил меня: а ты куда? Я сказал, что на родной завод имени Колущенко, хоть кем. Меня назначили начальником участка новой техники. Как потом я выяснил, Сумин следил за моей карьерой и, чем мог, помогал мне. Иногда звонил: всё нормально? У меня было всё нормально. Кроме одного вопроса: жильё. Там, где я жил, условия были ужасные. И Сумин сделал всё, чтобы я получил квартиру. Лично хлопотал. И добился. Тогда, когда, казалось бы, судьба нас развела, дружба продолжалась. Я был вхож в его семью.

– Вы уже тоже были женаты?

– Конечно. И жена, и дочь. Вообще-то у Сумина мы собирались довольно часто, но по какому-то поводу, а я мог прийти без повода. А отношения между Петром и Ольгой для меня были эталоном. У меня, честно сказать, в семье не совсем шло, как надо. А у них было приятно. Я всегда после работы мы сели с ним, и он мне сказал, что будет план или нет. Со всеми прекрасные отношения. Всё – здорово. «Пётр Иванович, с завода в какую-то вашу контору?». А он, лаконично, но твёрдо: «Подумай».

На заводе, когда я проводил оперативки, в мой кабинет могли зайти только

Металлургического райкома партии, общение у нас идёте, но, конечно, не так регулярно, как прежде. Потом он уже председатель горисполкома, тоже встречались, не помню конкретно, по какому случаю. Но я всегда знал, что Сумин интересуется, где я и что со мной. Ну, интересуется и хорошо. Однако он всё выше, и не мне проявлять инициативу. И вот уже 1987-й год, он – первый заместитель председателя облисполкома. А я уже коммерческий директор завода имени Колущенко. И – встреча. Он: «Надо опять поработать вместе». Я подумал, когда, казалось бы, судьба нас развела, дружба продолжалась. Я был вхож в его семью.

– Вы уже тоже были женаты?

– Конечно. И жена, и дочь. Вообще-то у Сумина мы собирались довольно часто, но по какому-то поводу, а я мог прийти без повода. А отношения между Петром и Ольгой для меня были эталоном. У меня, честно сказать, в семье не совсем шло, как надо. А у них было приятно. Я всегда после работы мы сели с ним, и он мне сказал, что будет план или нет. Со всеми прекрасные отношения. Всё – здорово. «Пётр Иванович, с завода в какую-то вашу контору?». А он, лаконично, но твёрдо: «Подумай».

На заводе, когда я проводил оперативки, в мой кабинет могли зайти только

три человека – директор, секретарь парткома и главный инженер. Всё! И вдруг открывается дверь, заходит Кудрявцев: «Товарищи, извините, я должен увести Матвеева». А мне: «Через пятнадцать минут твой вопрос на исполкоме». «Какой вопрос?». «Одевайся, машина ждёт внизу». Я поднимаю трубку, звоню директору: как же так, вы продали меня, а мне ни слова. Он: «Я не знаю ваших отношений с Суминым, но мне сказали, что ты решишь сам». Делать нечего, мы прыгаем в машину, только вошли в зал, слышу: «Матвеев Сергей Иванович, предлагаю утвердить начальником управления снабжения и сбыта. Кто не знает его? Все знают. Садись. Утверждён». Потом у нас был разговор об этом: «Пётр Иванович, как же так?». А он мне: «Я был уверен, что ты согласишься».

И стал я работать на новом месте. И опять Пётр Иванович требовал, требовал, требовал... В неделю по два раза летали в Москву. Для него не было слова «нет». Надо – и всё. Бывало, звонят домой: через два часа вылет. А билеты? В кабинете пилота полетите. И летали. Когда я однажды ночью из кабины пилота увидел, как самолёт ищет взлётную полосу, как, раскачиваясь, прицеливается на неё, струсил всерьёз.

А сколько было аварийных ситуаций в городе? Сломался насос перекачивающей станции у озера Смолино. Ночью. Сумин поднимает меня. «Транспорт есть?». «Есть». «Утром, чтобы насос был». Как утром?

Особого значения разговору я всё же не придал. Но вдруг приезжает Леонид Семёнович Кудрявцев: «Поехали». «Куда?». «На беседу к Петру Ивановичу». «На какую беседу?». Приезжаем. Сумин говорит про управление снабжения и сбыта облисполкома. «Бери». Я на заводе – мне всё привычно, даже по гудку, на слух знаю, будет план или нет. Со всеми прекрасные отношения. Всё – здорово. «Пётр Иванович, с завода в какую-то вашу контору?». А он, лаконично, но твёрдо: «Подумай».

На заводе, когда я проводил оперативки, в мой кабинет могли зайти только

снабжению – письмо подписать, позвонить в Москву, чтобы меня приняли, – это без проблем...

Тест на удержание знамени

Прошло какое-то время, я ему признался: «Постараюсь сделать всё, что от меня зависит. А не получится – не афишировать». «Хорошо».

Что я сделал? Поручил своим экономистам собрать все показатели по Челябинску, Свердловску, Перми, Кургану. Вывели плановые цифры на следующий квартал. И подвели красную черту. Кто больше делает, молодцы, а кто меньше – пеняйте на себя. И что вы думаете? На коллегии Госнаба, по нашим документам, выяснилось, что наши показатели выше, чем свердловские. Не поверили. Прислали комиссию. Посмотрели – всё правильно. И нам вручили знамя. Сумин радовался больше, чем я. Фотографии есть – как нам вручали знамя. Никогда такого в жизни не было. Конечно, и мои акции взлетели сразу. Потом он остался с нами на чай. Чего вообще никогда не бывало.

Ну, ладно, это всё хорошо. Знамя получили. И что он сказал? «Да, получить знамя всякий может – ты попробуй его удержать». И опять он меня заставил взять выше. И что вы думаете? Мы не подвели. В стране было 82 организации, таких, как наше управление, и мы среди всех ещё три квартала были первыми. Нигде не было таких показателей, как у нас. О Челябинске до того никто и не слышал, и вдруг – прорезался. А когда все съехались к нам на семинар – ахнули. Мы держивали знамя три квартала. А потом в Москве нам сказали: больше не давайте. Этот эпизод – чистая заслуга Сумина.

– Сергей Иванович, я понял так, что Пётр Иванович никогда не

оставался на чай с сотрудниками?

– Не оставался. Он всегда следил за собой так, что не за что было взяться. Он был вне подозрений. Вера, чистота, порядочность – это Сумин. Если кого-то на чём-то можно было поймать, то Сумина – бесполезно.

Я горжусь тем, что Пётр Иванович был всегда со мной. Когда я уже работал здесь, в управлении, он сам спросил, какие есть проблемы. «У меня, Пётр Иванович, одна проблема – жильё». И он опять помог. Позвонил: «Иди, получай ордер». А я и забыл о том разговоре. Квартира, три комнаты, четвёртый этаж... А он жил напротив – на улице Сони Кривой. Наши окна смотрели друг на друга – через двор. Однажды он говорит: «Что у тебя вечером? Оля готовит пельмени. Когда будут готовы, я моргну светом, приходи». Пельмени у Ольги вкусные, тройные. Он, действительно, моргну светом в окне, и мы сели с ним, готовили эти пельмени. И поговорили «за жизнь».

Характерных случаев – все не рассказать. Многому меня научил. Например, посылает сотрудника с каким-то заданием. И обязательно проверит, как он понимает задачу и какие документы приготовил. Всё выкрустит. Если что-то не так – не избежит его гнева. Заставит всё сделать и перделать. С тех пор и я так поступаю. Это очень помогает решать вопросы. Придётся в инстанции, начальник выслушает и обязательно скажет, что какой-то бумаги нет. «Принесёшь завтра». Или когда ещё. А у меня эта бумага готовая – пожалуйста. «Готовая?». Готовая. И эта бумага, и следующая. Видит начальник, как хорошо подготавливается проситель, – тут же и вопрос решается.

– Сергей Иванович, я понял так, что Пётр Иванович никогда не

Продолжение в следующем номере.

Комсомольские активисты суминских лет

В этом году исполнится 70 лет со дня рождения первого всенародно избранного губернатора Челябинской области, основателя и многолетнего руководителя движения «За возрождение Урала» Петра Ивановича Сумина. В преддверии этой памятной даты мы публикуем избранные главы из книги «Парень из Верхней Санарки» известного челябинского писателя, журналиста, краеведа Михаила Фоновта.

Сергей Матвеев, заведующий орготделом горкома комсомола в 70-е годы:

«Пётр Иванович вёл меня по жизни»

Продолжение.
Начало в № 13 - 18

Комсомольская стройка в Санарке

– Сергей Иванович, на горизонте были и другие люди, вроде бы, такого же уровня и масштаба, но почему Сумин?

– Смотри «внутри». Сумин – человек со стержнем. Приведу пример. Вспомню о так называемых папиросных бунтах в 90-е годы. Я свидетель тому. Сумин поехал на Северо-запад. Никто же не поехал! Даже милиция прибыла позже. А оттуда, навстречу, шли толпы людей. Кто-то знает о той ситуации? Я это видел: идёт разъярённая толпа. А Сумин на транспортной остановке поднялся на какое-то возвышение и начал говорить с людьми. И ведь толпа остановилась! А что могло быть?

– Но говорили, что ОМОН подстраховывал...

– Да, когда стало известно, что Сумин поехал на встречу с толпой, милиция двинулась туда же. А первыми туда приехали я и Макаров из горздрави. На своих машинах.

Ещё пример. Ничего плохого не хочу сказать про Валерия Шопова, только сравню уровни. У Шопова любое дело – как получилось, так и получи-

лось. А у Сумина – только так и никак иначе.

Ещё вспомню: работы много, то одно, то другое, а Сумину надо было вырваться в Санарку. Ему стало известно, что болеет мама. К тому же – протекает крыша. И что тогда мы сделали? Первые секретари райкомов на своих машинах в субботу взяли и поехали в Санарку. С ходу раскидали крышу, сразу же сбили её заново, перекрыли... Там полдеревни сбегалось смотреть, что за харовцы приехали.

– А Сумин в это время?

– Он с нами, конечно. И тогда я впервые познакомился с его матерью. Редкой души человек. Вы спрашиваете, откуда всё? Оттуда, из Санарки. Как она там хлопотала... Всё норвила чем-то помочь. И приговаривала: «Ребятки, осторожно». Видела же, что не все природные плотники, иные и топор в руках не держали. Дело – к обеде. Как ловко она управлялась! Женщина была полная, но... Бежит курица, она её хватя за ноги, трянула, чтобы не дергалась, здесь же – топор, полено... На наших глазах общипала. И сварила нам такую лапшу с курицей... Как мы ели! Мама родная... К концу обеда поспели и пирожки. А отношения сына с матерью! Всё «мамочка-мамочка» и – на вы. Да, на вы.

Последнее прости

Теперь – о грустном. Восьмое мая. В этот день у Ольги день рождения. Я дома, предпраздничный день. Звонок, Сумин: «Сергей, звонил своему водителю, он уже успел выпить, второму шоферу звонил, его в городе нет. А мне надо срочно в Санарку. Может, выручишь?». А я что-то почувствовал в голосе. Через себя говорит. «А что случилось?». «Говорить не буду, скажи только, сможешь или нет?». «Почему не смогу, смогу. Сейчас до машины добегу. Куда подъезжать?». А он тогда жил на улице Сони Кривой. «Сейчас подъеду». «Только, если можно, быстрее». Хорошо, что машина была заправлена. Подъезжаю. Он с Ольгой уже ждут внизу, белые, как мел. Он мне говорит: «Беру на себя ответственность, ГАИ не ГАИ – гони, как можешь». «Что такое?». «Мама умирает».

Мы погнали. А мост через железную дорогу по Троицкому тракту на ремонте. Объезд. Колея – в дно. На колёсах у меня шипованные диски из Германии. Пластиковые нахлобучки. Два диска потерял по дороге.

Приехали. Мать лежит на полу, боятся её переносить. У неё инсульт. И когда она увидела его, слёзы побежали по щекам: «Петя, наконец-то». Что

делать? «Скорой» нет, врача нет. Тем более – накануне праздника. Сумин мне: «Сергей, быстро лети обратно, к брату, найди, кого надо, скажи, что я прошу организовать «Скорую». Надо ехать обратно. Ведь ни телефонов, ничего... Вернулся я в Челябинск, организовал «Скорую», с ней приехал в Санарку. Ночь уже. Уколы сделали... Врачи: если бы три-четыре часа раньше... Она протянула руку к сыну и всё... Поэтому восьмого мая у Суминых день скорби. А день рождения Ольги перенесли на следующий день.

Для Сумина мать, отец, семья – вообще что-то невероятное.

Любимое «Там, вдали, за рекой...»

– Сергей Иванович, я всем задаю этот вопрос, потому что сам хочу выяснить этот, наверное, главный вопрос: чем брал Сумин? Вот вы по натуре – организатор. А Сумин?

– Да, он не был прирожденным организатором. Он часто удивлялся: зачем ты так сделал? Он брал тем, что слишком близко воспринимал жизнь. Он всё пропускал через себя.

– А люди собирались вокруг него, потому что видели эту его боль.

– Почему он мог поставить задачу? Потому что

внутри он её уже пережил, обдумал и решил. И потому требовал её обязательного исполнения. И ещё: когда он говорил, всегда выстраданно и уверенно. И мы понимали: не увильнуть, не схитрить. Надо сделать так, как он требует. Или так, или уходи из команды.

– О нём говорят, что он добрый, но строгий. Даже жёсткий.

– Только так. Да, жёсткий – в деле. Такой штрих. Идёт подготовка к пленуму. По пионерии. Выясняется, что в четверг пленум, сегодня понедельник, а ничего ещё не готово. Его надо было видеть в это время... Оценки жёсткие, но настолько правильные, справедливые – не на что обидеться. Наконец, он всех отпускает, а меня задерживает: «Ты понял, что нам с тобой надо готовить пленум?». Сорвать пленум нельзя, это ясно. Короче говоря, два дня и две ночи мы готовили пленум.

В среду – читка доклада. Правил всегда сам. Любое выступление, после всех – его правка. Так и с докладом – берёт его с собой, утром в четверг отдаёт на перепечатку. В четыре часа – пленум.

О душевности. Совет ветеранов возглавлял Мухамедьяров Ахмеджан Латыпович. Человек боль-

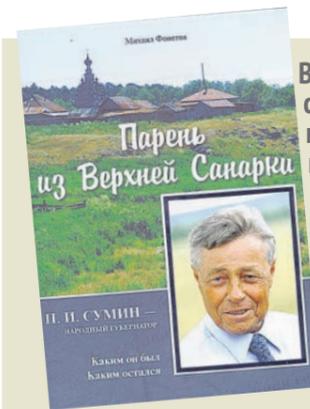
шой души. Мы даже предлагали назвать одну из улиц его именем, но времена изменились, и всё заглохло. Он – один из панфиловцев. Сумин его не просто уважал, а любил. И у Мухамедьярова был день рождения. Ему хотелось отметить это событие с нами, с молодёжью. Идти с этим к Сумину он постеснялся, пришёл ко мне. И к Сумину пошёл я, согласовать это дело: мол, мы решили так и так – собраться в кабинете второго секретаря. Не у вас же устраивать застолье. Я уже договорился со столовой, пироги будут, всё будет. Сумин, вижу, не очень доволен. Молчит. Но, вроде, и не возразил.

На следующий день девчонки накрыли стол, украсили его цветами. И что вы думаете? Пётр Иванович сказал речь... Таковую речь... Не тост, а размышления о человеке. Он, оказалось, знал о Мухамедьярове такое, о чём мы и не догадывались. И после этого остался с нами. И пошли такие душевные разговоры... Песни военных лет. Он любил петь. Эту – «Там вдали за рекой»... День незабываемый для ветерана и для всех нас.

Первые друзья у комсомольцев – космонавты

В этом году исполнится 70 лет со дня рождения первого всенародно избранного губернатора Челябинской области, основателя и многолетнего руководителя движения «За возрождение Урала» Петра Ивановича Сумина. В преддверии этой памятной даты мы публикуем избранные главы из книги «Парень из Верхней Санарки» известного челябинского писателя, журналиста, краеведа Михаила Фоновина.

Галина Зобова: «Пётр Иванович всегда был мне очень дорог, мне всегда хотелось с ним работать»

Продолжение.
Начало в № 13 - 19

«Я никогда больше не буду кричать...»

– Галина Константиновна, вы можете сказать о первой встрече с Суминым, какое она оказала на вас впечатление, как запомнилась?

– Пожалуй, нет. У меня было ощущение, что Пётр Иванович был всегда. И сказать, что я его видела в первый раз и как-то запомнила, такого не было. Он был и был. Я пришла в институт культуры секретарём комитета комсомола в 1973 году. А он в это время работал вторым секретарём горкома комсомола. Первым был Соловьёв. Два года я отработала и ушла в мединститут, деканом факультета общественных профессий. К этому времени Пётр Иванович уже стал первым секретарём, а вторым – Степанищев. Они-то меня и вытаскивали. Я считала, что с комсомолом прощайся. Тогда-то вплотную столкнулась с Суминым. Это 1975 год. И с тех пор до 1990 года мы 15 лет работали вместе. Сначала – в комсомоле, а позже он предложил мне работу в Металлургическом райисполкоме: ты там поработай, а потом посмотрим.

Жизнь менялась, я оказалась в кукольном театре. Где меня и нашёл Сумин. И всё время за собой таскал.

Я стала заведовать общим отделом в горисполкоме. А его уже перевели в облисполком. Он мне: ты пока продолжай работать.

Один эпизод я особенно запомнила. Была какая-то суетня, какое-то совещание, кому-то какие-то билеты нужны, и я подошла к нему – он стоял с первыми секретарями – и что-то на эту тему стала говорить. То ли я не вовремя подошла, то ли у него было плохое настроение, он как рывкнул на меня, типа того, что не лезь со всякой ерундой. И всё. Сразу после того – у нас горкомовское совещание. Я сижу, реву. Он смотрел, смотрел, потом всех выгнал, сел возле меня и сказал: «То, что ты плачешь, это для меня такой урок... Я никогда ни на кого больше кричать не буду». Не знаю, выполнил ли он своё обещание, но на меня он больше не кричал.

Нас в аппарате было одиннадцать человек, это был такой комок... И через много лет, только трубку подними – все сразу сбегутся. Что характерно, у нас внутри не было любовных романов. Почему? Во-первых, Пётр Иванович у нас был абсолютно не бабник. Мужика же сразу видно, по взгляду. Как он смотрит. Пётр Иванович, кроме Оли, других женщин не видел и не знал. И это его красило...

– Красило?

– Красило.
– Если мужчина на женщин не обращает внимания, это их, я думаю, обижает.

– А он обращал на нас внимание – как на личность, а не как на существо, несущее половые признаки.

Долгая беседа в начале года

– Галина Константиновна, теперь можно сказать, что Сумин – ваш наставник?

– Конечно. Как я, например, вспоминаю эту жизнь? Допустим, прошёл год, как мы отработали вместе. Я занимаюсь своей культурой, провожу фестивали, у меня какие-то выезды, какие-то встречи, что только ни делали. И начинается новый год. Он усаживает меня напротив и предлагает: давай посмотрим, что мы сделали за прошедший год. И мы вспомним, что было, и подумаем, что будем в новом году делать – что-то так, как прежде, что-то не так. От чего-то отказываемся, что-то улучшаем. Посмотрите, что получается. Я всем этим занималась, а он это видит иначе и интереснее, чем я сама. У него был, как я говорю, государственный ум, и он мне советовал со знанием дел, что и как. Так вот, мы с ним всё детально обсудим. От него выйдешь – и хочешь работать.

– И с каждым сотрудником так?

– С каждым. Кто я была такая? Просто инструктор. Даже не завотделом. У меня был сектор культуры, и я им занималась. И он меня вызывал, и мы два, три часа обсуждаем наши дела. Что будем делать и как будем делать.

– А что Пётр Иванович, всех одиннадцать человек аппарата где-то приметил, собрал вместе?

– По-всякому было. Нас в кабинете сидело четыре человека. Были и те, кто остался после Соловьёва.

Всякие были люди. Не всех подбирал лично Пётр Иванович.

Если вспоминать, я не так и долго проработала в горкоме комсомола. Следующий этап – общий отдел горисполкома. А это – всё. И хозяйство, и снабжение, и ремонт – чего там только не было. И кроме этого, подготовка сессий. И ещё нам поручалось сочинять всякие приветственные адреса. Доклады Пётр Иванович, в основном, писал сам. Конечно, мы ему помогали, я в том числе.

В горисполкоме мы с ним проработали тоже недолго, года полтора, и он ушёл в облисполком.

– Долго не сидел на одном месте.

– У нас как? Хороших людей замечают.

– А что значит «хороший»?

– Это человек, на которого можно положиться. Если на него можно положиться, значит, он рабочий, значит, он понимает, что делает, и его почти не надо проверять – только чуть-чуть, на всякий случай. Таких людей не очень много. Вообще, хороших работников не так много. Много таких – с апломбом, на словах он всё может, а на деле – пустое место, с ним и говорить бесполезно, он не понимает. Я убедилась, что с каждым надо работать по-разному. Одного надо бить, другого гладить, третьего в угол ставить, четвёртому премию выписать. Каждого надо дёргать за ту ниточку, на которую он реагирует. Чтобы он сделал именно то, что надо. Это, между прочим, Петра Ивановича школа. Он с каждым из нас разговаривал по-разному. Он знал, что на меня кричать нельзя, потому что могу зареветь. Он понял, что я в сорок раз больше сделаю, если меня похвалить. А есть люди, которых хвалить нельзя. У нас был такой – его похвалят, он сразу грудь вперёд.

Мы все разные. Хорошие, но разные. Это тоже Петра Ивановича школа.

А поставить рядом – некого...

– Галина Константиновна, казалось бы, Сумин потерпел поражение. Соловьёв оказался дальновиднее, и он взял верх. Так?

– Это происходило на моих глазах. Петя...

– Вы называли его Петей?

– Между собой – да, а к нему обращались по имени-отчеству. Почему-то. Что я хочу сказать? Соловьёв там не очень котировался. Ни в совет, ни тем более в председатели его не рассматривали. Была такая ситуация, что председателем горсовета мог стать другой человек. Но того так обвели вокруг пальца, что он сам, вместо себя, предложил кандидатуру Соловьёва. Так и пошло.

– А почему не котировался Соловьёв?

– Он же плохо относился к людям. Чем отличался Сумин от Соловьёва? Отношением к людям. Вадим Павлович через полгода мог пройти мимо, «не узнать» тебя, хотя много лет работали вместе. А Пётр Иванович, уже губернатор, однажды узнал меня, подошёл, обнял, поцеловал, а на совещании первое, что сказал, когда ему дали слово, что это – Зобова, с которой работал в комсомоле.

– Галина Константиновна, но Сумин мог быть и жёстким.

– Это хорошее качество. Для руководителя это очень хорошее качество. Это моя теория: если ты начальник, то должен быть в какой-то мере, простите, сволочью. Если тебя не считают сволочью, то ничего не получится. Тот, который ниже, на тебя сядет и ничего не будет делать, а тот, который выше, будет ногами топтать, потому что ты ничего из себя не представляешь. Если не будешь жёстким, тебя очень скоро не будет. И тем скорее, тем выше стоишь. Там нельзя быть размазней.

– Но и жёстким можно быть по-разному. Можно

быть таким жёстким, что все разбегутся.

– У Сумина жёсткость – это тоже его слова: от человека можно требовать только то, что он может. Это его завет.

– Пётр Иванович поднялся на вершину областной власти и правил областью довольно долго – значит, не случайно?

– Конечно, не случайно. Но у него было одно качество, которое я считаю отрицательным. Он мог ошибаться в людях. Кроме того, как шутил Поткин, смеившийся Сумина на посту в горисполкоме, Пётр Иванович считал, что металлург может всё – и пахать, и сеять, и торговать, и строить. У Пети это было. Он мог ошибаться в людях. Но это был разумный процент ошибок. При всём при том я должна сказать, что на фоне Сумина другие, кого ни возьми, смотрелись никак. Сумин, в отличие от них, – государственный человек. Он – гора, а остальные – так... Пригорки.

– А ведь в обществе не было ощущения, что Сумин – выше других. Он был всего лишь одним из начальников. Ну, может быть, порядочнее других. А вы и все, кто с ним работал, считают, что Сумин – уникален. Настоящий лидер.

– Я, может быть, смешной эпизод расскажу. Дома, во дворе – стоим, разговариваем с соседями. Про лифты. О том, что жители первого этажа не должны платить за лифт. Мимо идёт какая-то бабка, незнакомая. И она вступает в наш разговор и говорит: «Да, конечно, это всё Сумин себе деньги загребаёт». Я ей тогда сказала, чтобы она шла себе своей дорогой... Сколько людей, столько и мнений.

Признание всегда опаздывает

– Галина Константиновна, а что, нужно умереть, чтобы когда-нибудь кто-то написал, что этот начальник был честным и порядочным человеком? Для меня было открытием, что губернатор лечился на свои деньги.

– А вообще-то, такого человека можно полечить и на деньги из бюджета.

– Разумеется.

– Ему было 27 лет, когда мы в первый раз настояли, чтобы он лёг в больницу. У него был нездоровый цвет лица, он много курил и у него всегда болел бок. Мы

чуть ли не под руки парня увели, заставили: хоть неделю полежи в больнице. Но он три дня пролежал и ушёл.

Мы с ним виделись за три месяца перед смертью. Так получилось, что вместе в больнице лежали. В первой городской. Он был такой поправившийся, посвежевший. Я, говорит, курить бросил. А через три месяца... Умер во сне.

– Не во сне.

– А моё представление, что такой человек должен именно так умереть. Чтобы он не мучился, а умер во сне. Хотя мучиться Сумину много пришлось. Но первое ощущение, что это неправда. Помните, как-то сплетню пустили, что Сумин умер. Я и подумала, что опять неправда. В то лето был приём у губернатора. Фотография осталась, как мы сидим рядышком. Я ему тогда сказала: «Пётр Иванович, вы нас хоть так не пугайте». А он: «Это же не я. Это кому-то надо было».

– Недоброжелателям.

– Но зачем? Неужели этим хотели убить человека? Конечно, у него было много врагов. По очень простой причине. У какой-нибудь лягушки врагов мало, одна только цапля, а у орла врагов полно. Я только так понимаю. У мелкого человека и врагов – мелочь какая-то, а у крупного человека и враги такие. И... Как сказать? То, что он был неподкупным – это безусловно. Петя сам не продавался и никого не покупал. У него задачи такой не было. Необходимости не было такой. Да и вокруг него были преданные ему люди.

– Все, кто не такие, как Сумин, его, конечно, не любили.

– О том и речь. А вы говорите «народ». Народ не всегда прав. Народ – это такое явление, которое ещё надо разбирать и по полочкам складывать.

– От народа всё-таки никуда не деться. Какой бы он ни был.

– Ещё вспоминаю эпизод. Как мы хоронили брата Петра Ивановича – Анатолия. Он родился хромым. И был хромым до сорока с лишним лет. А потом Пётр Иванович с женой Анатолия Тамарой решили положить его в больницу, выправить ногу. Был такой врач – Полок. Он сделал операцию, Анатолий стал ходить нормально. Но однажды он переходил железную дорогу, упал и опять сломал ногу. И всё вроде прошло нормально, но – тромб, и он умер. Петя так переживал... Всё себя винил. Это было для него такое потрясение... Потом у меня мама умерла. Он мне позвонил, успокаивал... Столько пережито было...

Нет, я считаю, и всё наше окружение считает, что таких, как Сумин, больше нет. Он один такой был. Это была личность. Не знаю, кто и на чём её сформировал. Но, наверное, много значит и самовоспитание. Начнём с простого. На первых порах он говорил не очень складно. Как-то он сказал: все вышли и стали кричать здравницы. «Пётр Иванович, не здравницы, а здравницы». Он так посмотрел на меня, не очень дружелюбно, но запомнил и уже никогда не повторил ошибку.

– Он, конечно, был в известной степени честолюбив, не без того.

– Когда мы работали в горисполкоме, я срочно к нему зашла, а он разговаривал с кем-то, из обкома партии или с кем-то ещё, с каким-то своим начальником. Я это поняла по его «вытянутой струнке». И поэтому, как он говорил. В нём было что-то актёрское... Потом я поняла, что это тоже надо. Кому-то лишний раз продемонстрировать если не преданность,

Таможенники на приёме у губернатора

то готовность выполнить поручение. Это надо показать.

– Субординация есть субординация. Глупо демонстрировать своё «превосходство» или какое-то особое мнение перед своим начальником. Это вообще очень сложные отношения – между начальниками и подчинёнными. Мы их упрощаем. Будто бы это какая-то удаля – дерзить своему начальнику. Он тебе не нравится? Стань на его место, добейся этого. А пока он выше – подчиняйся.

– Мы в таком случае говорим: что, тебя директором не берут? Вообще, я всё больше прихожу к выводу, что человек – существо пакостное. В большинстве случаев. К сожалению. Это чисто субъективное суждение.

– Я думаю, что человек и ужасен, и прекрасен. И то, и другое – вместе. Нельзя, чтобы он был только ужасным, но нельзя, чтобы только прекрасным. Он – сложный. В том и прелесть.

– Мне всегда Пётр Иванович был очень дорог, и мне всегда хотелось с ним работать. Были у нас и стычки, выяснения отношений, но работать с ним было интересно, хотя бы потому, что он мог в моей работе видеть даль-

ше меня. Я себя дурой не считаю, но в отношениях с Суминым понимала, что есть люди поумней меня.

– Он смотрел дальше, потому что был умнее?

– У него другой склад ума. Он мог мыслить на перспективу. Это его особенность. А я могу утонуть в мелочах.

Есть ли норма на эмоции?

– Галина Константиновна, хочу высказать такую, наверное, спорную мысль. Насколько эмоциональным может быть руководитель? Сколько эмоций он может себе позволить? Говорят, будто бы Сталин находился в шоковом состоянии. Если что-то случилось, если коллектив в панике и в ступоре, если вместе со всеми в панике и в ступоре и руководитель, то это очень плохой руководитель. Вместо того, чтобы держать себя в хладнокровии, вместо того, чтобы всё взять на себя и повести их из беды, – он вместе во всеми плачет-рыдает. Такой руководитель достоин только презрения.

В связи с этим – вопрос: на руководящую работу должны допускаться люди, не очень эмоциональные, грубо говоря, толстокожие. Те, которые не уходят в себя, не копаются в своих сомнениях, а берут себя в руки и принимают решения.

Позволю себе поставить вопрос и так: если руководитель слишком эмоционален, если он слишком остро переживает всё, что происходит вокруг, – не свидетельствует ли это о том, что он не годится для такой работы?

– Но руководитель не должен быть и равнодушным.

– Вы говорите, что Сумин видел дальше, и это от ума. Но, может быть, это – от сердца?

– Я сомневаюсь. Я считаю, что в работе чиновника сердце ни при чём. Я что, должна за всё переживать?

– Так переживать или не переживать?

– Переживаем мы все. Но не все показывают. Тот же Сталин, я думаю, переживал, но никто об этом не догадывался. Кстати, у Петра Ивановича лишние эмоции проявлялись, и это ему не плюс.

– Он был эмоциональным человеком. И вопрос в том, как это оценить. Я думаю, что эта книга о нём и должна ответить на этот, может быть, главный вопрос. Когда человек всё воспринимает близко к сердцу, это, вроде бы, хороший человек. Но всегда ли? Вообще неприятен человек, который по всякому поводу ахает и охает.

– Я всё же считаю, что кто-то показывает свои чувства, а кто-то прячет их в себе.

– Да, одно дело – не показывает, а другое – нечего показывать.

– Ещё Антон Макаренко считал, что у педагога могут быть чувства истинные и ложные. Допустим, чувства негодования он не ощущает, но должен его показать.

– Да, это чувство «деланное», актёрское.

– Весь вопрос сводится к тому, есть эмоции или их нет.

– У Пети эмоции были.

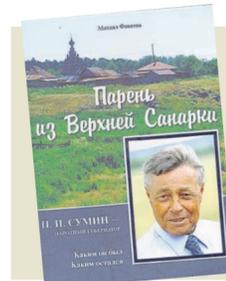
– Да, конечно. И может быть, именно они вели его по жизни. Поднимали его и опускали, разворачивали направо и налево. Он жил не только головой, но и сердцем. Тем и уникален как руководитель.

Продолжение
в следующем номере

Вместе с губернатором, рядом с ним

Мы видели: он – лидер

Избранные главы из книги «Парень из Верхней Санарки» известного челябинского писателя, журналиста, краеведа Михаила Фофанова.

Продолжение. Начало в №13 - 20

Обратно – в комсомол

– Сначала я хочу попросить вас, Валентина Филипповна, и вас, Борис Николаевич, двух бывших комсомольских работников, которые работали «в команде» П.И. Сумина, сказать о нем то, что вы хотите. То, что на языке.

В. Устелемова:

– Я горжусь своей трудовой книжкой. В ней – две подписи Петра Ивановича Сумина: когда он принимал меня на работу и когда переводил на другую работу. Петр Иванович Сумин и Вадим Павлович Соловьев – это два человека, которые на 360 градусов повернули мою судьбу. И повернули в сторону, которой вроде бы не было в моих планах.

Я планировала быть просто учителем. И пришла в монтажный техникум, чтобы там преподавать. Я была в техникуме секретарем комсомольской организации, а в ней более 1 200 комсомольцев. И когда заканчивалась моя комсомольская работа, освободилось место преподавателя, и я с сентября перешла на преподавательскую работу.

Все шло так, как я и мой муж (он тоже работал в техникуме) предполагали. Райком комсомола меня проводил, поблагодарил за работу...

И вдруг звонок от Петра Ивановича. Он пригласил меня к себе на беседу. Когда мы встретились, сказал, что видит меня на работе в горкоме комсомола. Напрасно я сетовала на то, что уже работаю преподавателем: «Нет, я уже простила с комсомолом, определилась. У меня другие планы». А Сумин невозмутимо: «Ничего, мы этот вопрос уже согласовали. Подумай хорошо».

Через день мне звонит директор техникума Геннадий Ильич Велин. Этот удивительный человек,

по тем временам – эталон комсомольского директора. Он меня многому научил, тому, что потом пригодилось в жизни. И он звонит: «Зайди, пожалуйста». Я захожу, а у него в кабинете сидит Сумин. Директор мне: «Ты собралась уходить?». «Нет, я не собралась, Геннадий Ильич». А Петр Иванович: «Вопрос уже согласован. Через два дня назначен пленум, на нем мы тебя изберем секретарем горкома». Директор мне: «Выходи отсюда, я тебя видеть не хочу». Вроде я предатель. Вроде растли меня для техникума, а я предала. Что было делать? Я вышла. Через какое-то время Петр Иванович заходит и говорит, что меня ждут на пленуме.

Состоялся пленум. Я со слезами на глазах шла на это заседание, потому что разрывалась между директором техникума и Суминым.

Так я стала секретарем горкома комсомола. Так моя судьба повернулась в другую сторону. Это – Петр Иванович. Мне запомнилась такой эпизод. Я ему сразу же сказала, что надо учить, что у меня ребенок. А он: «Хорошо. У нас у всех есть дети». Это единственный руководитель за всю мою жизнь, который дал мне знать: семья есть семья и дети есть дети. А в других местах говорили: «Больничный? Работать надо».

В комсомоле обычно друг друга называют по именам, но ничто не могло меня заставить назвать Петра Ивановича Петей. Знаете, кем он был для меня и для многих? Он для меня, как

Павка Корчагин. Да, такой, как в фильме.

Редкое свойство – любить людей

Б. Данилов:

– Я начну с эпизода, не самого радужного. У Петра Ивановича, когда он работал в Металлургическом райкоме партии, умерла мама. И мы поехали с ним в Санарку. Маму похоронили рядом с папой. Отец был председателем колхоза. Прошел всю войну. И что запомнилось? Когда сели за стол, разговор потихоньку перешел на Петю. И тогда я понял, откуда в нем это качество – любовь к людям. Самое главное в Петре Ивановиче – именно это.

Много я видел руководителей, очень много, но не было в них такой человечности. Надо понимать, у Петра Ивановича любовь к людям была не показной. Все в Сумине было воспитано в семье. В семье. Там, где он родился и вырос. Все началось с любви к матери, к отцу. К соседям. К односельчанам.

Говоря о Сумине, я обычно использую одно слово – государственный. Что я вкладываю в это слово? Когда человек видит не себя в деле, а дело, прежде всего. Это не высокопарно.

Я полгода работал заворгом в горкоме комсомола, и меня утвердили командиром областного студенческого отряда. Хочу особо подчеркнуть: первый год подконтрольной строительный отряд был создан при Сумине. Первая проверка – на строительстве драматического театра в Челябинске. Потом в стране началась беда, студенческие отряды тихомирно прекратили существование.

Но однажды Сумин приглашает Сергея Горюшкина, нынешнего командира отряда, и говорит: «Давай-ка, Сережа, возрождай студенческие отряды». Последняя проверка отряда, которую мне Петр Иванович вручил, – за студенческие отряды.

Студенческие отряды –

Борис Данилов:
«Для меня Сумин прежде всего государственный»

Валентина Устелемова:
«Он развернул мою жизнь на 360 градусов»

его детище. И неслучайно теперь отряд носит его имя. Следующий пример. Сумин, нужно отдать ему должное, возродил профессиональное образование. И я пришел туда работать заместителем начальника управления. Это было очень тяжелое время. Люди не получали зарплату, буквально голодали и падали в обморок, а Петр Иванович сказал: «Да, сложно, денег нет, но ради детей мы должны сохранить систему профессионального образования. Мы должны сохранить эту молодежь. Если мы ее сегодня не сохраним, завтра будем пожирать плоды». Понимаете? На всех этапах Сумин – государственный.

Я не скажу, что мы близко дружили, но знаю, что в семье Петр Иванович был прекрасным мужем и отцом.

Уже не Павка Корчагин

В. Устелемова:

– Я тоже о семье. Ольга Ильинична работала в «Спутнике». Удивительно скромный человек. Мало кто знал, что Сумин ее муж. Да, она Сумина, но, вероятно, однофамилица. Ни Петр Иванович не выпячивал свое положение, ни она.

Через всю жизнь он пронес уважение к людям и, в частности, к тем, с кем работал. Люди к нему шли за помощью. И Петр Иванович помогал. И я часто слышу в народе: как было «при Сумине». При Сумине было иначе. Не так.

Я помню, как Петр Иванович уходил заместителем начальника цеха на ЧМЗ. Один работник обкома партии, в солидной должности, выразился так: «Что это вы своего Петю Сумина так низко опустили?». Даже этот человек не понимал, что произошло.

Какое-то время у нас были разные пути. Когда я пришла в горком партии, Петр Иванович уже был председателем горисполкома. Встретила его и поняла: это уже не Павка Корчагин, а зрелый, с опытом работник.

Еще я запомнила, как он на заседаниях смотрел на тех, кто стоял на трибуне, кто выступал. Его особый прищур глаз. Он не делал вид, что слушал человека, он буквально впитывал все, что сказано. И потом, по уточняющим вопросам Сумина, по его стремлению дойти до сути, я убеждалась, что это действительно так. Человек, которому дали слово, приносил в зал заседаний информацию из реальной жизни. И это помогало Сумину выныкать в глубину проблемы, в суть дела. А также узнавать людей, запоминать, раскрывать, оценивать их. Прищур Сумина мне говорит об очень многом.

Два парня, две дороги

Б. Данилов:

– Что касается перехода Сумина на ЭСПЦ-5, то мы разговаривали по этому поводу. Наш отряд работал на строительстве этого цеха. Я как-то приехал туда: «Слушай, Петя, что ты вроде не так». И он мне объяснил: «Учти, что я все таки по образованию металлург. А сколько у печатки?». В самом деле, он начал заместителем начальника строящегося цеха. А что такое строящийся цех, я думаю, понятно.

Еще был случай анекдотический. Сумин – первый заместитель председателя облисполкома, а я – второй секретарь Сосновского райкома партии по сельско-

му хозяйству. Я же закончил ЧИМЭСХ. И вот Петр Иванович приехал к нам в район. Как положено, мы поехали по полям. Я говорю: «Петр Иванович, смотри, какая пшеница растет». А он мне: «Это, между нами, не пшеница, а ячмень». «Ну да...». Вышли к полю: точно ячмень.

Что я хочу сказать? Все, за что брался Петр Иванович, делал основательно. Почему он хорошо знал сельское хозяйство? Я, хоть и закончил «сельский» институт, но парней городской, знало село больше по науке, а Сумин знал на практике. И я думаю, что неслучайно он так много внимания уделял сельскому хозяйству. Только благодаря его усилиям у нас в области не до конца развалили село. И деревенские люди его уважали.

Теперь Челябинский областной студенческий отряд носит имя Петра Сумина

знаю. Он мог жестко спросить. Но он никогда не обижал человека. А Соловьев – мог обидеть.

– Но как два парня одного поколения, почти одногоски, как они могли разойтись по разным дорогам?

Б. Данилов:

– Поэтому и ушли по разным дорогам. Их развела тактика. Я в те годы все это наблюдал. У нас продолжались близкие отношения с Соловьевым и тогда, когда он работал губернатором. Понимаете? Резкость. Резкость суждений. Мы с ним иногда по этому поводу спорили. Он: «Ты – старой формации». Я: «Не в том дело. Надо иначе относиться к людям».

Без дерганья, без нервов, без ругани

В. Устелемова:

– В начале 90-х годов я была далека и от Сумина, и от Соловьева. Я снова работала в монтажном техникуме. Конечно, разобратся во всем было очень сложно. Мне кажется, Петр Иванович, прежде чем принять решение, глубоко анализировал последствия.

Скажу еще об одном: об атмосфере, которую создавал Петр Иванович. Помню подготовку к 250-летию Челябинска. Я принимала непосредственное участие в этой работе. Для Петра Ивановича было характерно умение создать спокойную атмосферу. Без дерганья, без нервов, без ругани.

И за счет этого люди раскрывались. Я не могу вспомнить ни одного случая, чтобы Петр Иванович кого-то резко одернул.

– И вас он ни разу не обидел?

В. Устелемова:

– Нет. – Валентина Филипповна, вы, как я понимаю, смолodu не готовили себя к организаторской работе. Не находили в себе способности к такой деятельности, хотели быть преподавателем. А потом

организаторские способности обнаружилась?

В. Устелемова:

– Отвечу так. Я из простой рабочей, беднейшей семьи. Но здесь на Урале мое детство и моя юность прошли... на сцене ДК железнодорожников. Я вела концерты, читала стихи. Я была председателем отряда, комсоргом, вожатой. То есть навыки организаторской работы у меня были.

– Однако Сумин приехал, выхватил вас едва ли не со скандалом... Значит, он был уверен в вас? Знал вас настолько, что не боялся риска? Мог взять на себя ответственность за вас? Ведь в горкоме комсомола, и вас могло не сложиться, а что тогда – испорченная жизнь?

В. Устелемова:

– Мне трудно сказать, на что рассчитывал Сумин, забывая меня из монтажного техникума. Наверное, он верил в меня.

– Какие-то наблюдения и какие-то выводы на ваш счет, видимо, у него были.

В. Устелемова:

– Наверное.

Все выше – со ступени на ступень

– Борис Николаевич, в жизни бывает так, что какой-то человек проявляет ранние признаки своей уникальности. Подает надежды на будущее. Обычно говорят: этот человек отличается от других, и он далеко пойдет. Сумин давал повод для таких размышлений? Если давал, то когда это стало заметно?

Б. Данилов:

– Я бы сказал, что наиболее ярко это стало проявляться, когда он стал председателем горисполкома. Тогда мы поняли, что у Сумина большое будущее. То, как он работал, как принимал решения, как общался с людьми, отличало его от других руководителей. Особенно это было заметно после Положенцева, предыдущего председателя горисполкома. Это небо и земля.

Но я хочу подчеркнуть опять: если бы не семья, если бы не Верхняя Санарка, такого Сумина не было бы. Смотрите, он ведь буквально бегом пошел. Поднимался со ступени на ступень очень быстро. Сам шел, и его вели. Как лидер Сумин раскрывался в городе, в горисполкоме. Он задумал много планов, затеял много строек, пробивал много вопросов. И я согласен: это был другой Сумин. Уже не Павка Корчагин. Выше того. Не комсомольский работник. К сожалению, многие оставались комсомольскими работниками до седых волос. Оперативки, которые он проводил, – надо было там быть, это видеть. Как лидер Сумин раскрывался в городе, в горисполкоме. Он задумал много планов, затеял много строек, пробивал много вопросов. И я согласен: это был другой Сумин. Уже не Павка Корчагин. Выше того. Не комсомольский работник. К сожалению, многие оставались комсомольскими работниками до седых волос. Оперативки, которые он проводил, – надо было там быть, это видеть. Как-то я захожу к нему в обком: «Здравствуйте, Петр Иванович!» Он сидит, на меня смотрит: «Что-то я тебя не понял. Чего это ты так? Выкаешь...». «Ты же теперь второй секретарь, а я ответственный». Он: «Ладно, кончай». Но это так, к месту. Где бы он ни работал, не боялся решать хозяйственные вопросы. И вообще не боялся решать вопросы. Не уходил от них.

Про государственные дела Сумина много скажут, но я о другом. По жизни я с Петром Ивановичем общался как с человеком с большой буквы. Как с государственным. Как с человеком, который любил людей.

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

В. Устелемова:

– Такие, как Петр Иванович, редко, но бывают.

Б. Данилов:

– Все проявляется в комсомольские годы. Если человек гнилой, это рано выдает себя. Комсомол отсеивал все гнилье, которое было.

Б. Данилов:

– Ну, не все...

Б. Данилов:

– Да, конечно, были исключения. А Петр Иванович, к сожалению, был доверчивым. Его иногда подводила порядочность.

В. Устелемова:

– И чрезмерное чувство ответственности. Он боялся не оправдать чье-то доверие.

Теперь Челябинский областной студенческий отряд носит имя Петра Сумина

та Сумина, как мне кажется, исходила и от Ольги Ильиничны Суминой. Я думаю, она сильно влияла на мужа в этом смысле.

– Согласитесь, о Сумине можно сказать, что он был правильным человеком. Но, прости, не слишком ли правильным? Взять хотя бы в отношении к жене. Это его верность... Такая редкость...

Б. Данилов:

– Петр Иванович относился к жене настолько уважительно, с такой любовью, это даже не передать. Мы встречались в разной обстановке. Иногда, чего там говорить, случалось, перебирали. Как к этому обычно относятся жены? Ругаются, обзывают, оскорбляют, орут, не жалеют слов и не стесняются в выражениях. А от Ольги Ильиничны я никогда не слышал ничего такого.

Как-то раз мы в таком виде ввалились домой к Петру Ивановичу. И как нас встретила Ольга Ильинична? Я думал, нам достанется от нее. Нет. «Ну, что, мальчики, – сказала она, – хорошо погуляли? А теперь – отдыхать». Ко мне: «Ты доберешься домой?». «Доберусь». И все.

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

В. Устелемова:

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

Б. Данилов:

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

Б. Данилов:

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

В. Устелемова:

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

– Хороших качеств у Сумина много. Он и дома, и на работе – пример. Но кто поверит, что он был именно таким? Едва ли не идеальным?

Б. Данилов: – Есть такая поговорка: быть у реки и не пить. Мы все привыкли к тому, что все замараны. Все хапают. Но, оказывается, что есть люди, которые стояли «у реки», но ничего не положили в карман. Сумин не был таким, как все. И были люди, которые его за это любили, и были люди, которые его за это не любили. Даже презирали.

В. Устелемова: – Мы поехали на дачу, а по дороге смотрим – реклама: фирма «Сумин и компания». Ходят слухи, что есть магазин Сумина, еще что-то. Я не знаю, чье это, но не Петра Ивановича.

Б. Данилов: – Мне кажется, что он все пропускал через сердце. Был период, когда он чувствовал себя очень плохо. Сидим мы на августовском педагогическом совещании, и я вижу, что он все время попивает воду. Было видно, что ему плохо. Но он на это совещание пришел. А что такое августовское совещание? Сейчас – что, с теми годами не сравнишь. А тогда ... Страшно дело. Люди выступают, а я смотрю, как у него лицо меняется. А когда вышел к трибуне, будто поклонился: да, тяжело, очень тяжело, но мы все равно найдем возможность маленько, но зарплату поднять. И что? Тогда мы строили школы! В такое время!

В. Устелемова:

– Когда я видела Петра Ивановича на экране, часто думала, что ему бы надо уйти с этой работы. Но, может быть, ближайшее окружение не отпускало его на отдых. А чем он брал? Понимаете, один – хороший «органчик», он может четко все организовать. Я по себе могу сказать: люди, которые работали с ним, не хотели его подвести. Если сказал Сумин – как не выполнить?

Б. Данилов:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

В. Устелемова:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

Б. Данилов:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

В. Устелемова:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

Б. Данилов:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

В. Устелемова:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

Б. Данилов:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

В. Устелемова:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

Б. Данилов:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

В. Устелемова:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

Б. Данилов:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

В. Устелемова:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

блемой, как перед стеной. Москва его не понимает. Москва далека от его беспокорства. Или сознание того, что вокруг него – область, где еще кишит нищета, бедность, которые как бы на его совести, но с которыми он не в силах разом справиться... Каким приходил губернатор домой, в семью?

Б. Данилов: – Мне кажется, что он все пропускал через сердце. Был период, когда он чувствовал себя очень плохо. Сидим мы на августовском педагогическом совещании, и я вижу, что он все время попивает воду. Было видно, что ему плохо. Но он на это совещание пришел. А что такое августовское совещание? Сейчас – что, с теми годами не сравнишь. А тогда ... Страшно дело. Люди выступают, а я смотрю, как у него лицо меняется. А когда вышел к трибуне, будто поклонился: да, тяжело, очень тяжело, но мы все равно найдем возможность маленько, но зарплату поднять. И что? Тогда мы строили школы! В такое время!

В. Устелемова: – Мы поехали на дачу, а по дороге смотрим – реклама: фирма «Сумин и компания». Ходят слухи, что есть магазин Сумина, еще что-то. Я не знаю, чье это, но не Петра Ивановича.

Б. Данилов:

– Мне кажется, что он все пропускал через сердце. Был период, когда он чувствовал себя очень плохо. Сидим мы на августовском педагогическом совещании, и я вижу, что он все время попивает воду. Было видно, что ему плохо. Но он на это совещание пришел. А что такое августовское совещание? Сейчас – что, с теми годами не сравнишь. А тогда ... Страшно дело. Люди выступают, а я смотрю, как у него лицо меняется. А когда вышел к трибуне, будто поклонился: да, тяжело, очень тяжело, но мы все равно найдем возможность маленько, но зарплату поднять. И что? Тогда мы строили школы! В такое время!

В. Устелемова:

– Когда я видела Петра Ивановича на экране, часто думала, что ему бы надо уйти с этой работы. Но, может быть, ближайшее окружение не отпускало его на отдых. А чем он брал? Понимаете, один – хороший «органчик», он может четко все организовать. Я по себе могу сказать: люди, которые работали с ним, не хотели его подвести. Если сказал Сумин – как не выполнить?

Б. Данилов:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

В. Устелемова:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал, что область потеряет, если он уйдет. Он говорил, что лечится работой. И он, безусловно, готов был еще работать. Независимо от того, как это расценивать.

Б. Данилов:

– Я не думаю, что Сумин хотел уйти. В нем сложилась убежденность, что он должен оставаться на этом месте. Он считал,